

Арсения **ВЕЛИКАЯ**

Курортный доктор

Тихое безветренное утро. Зеркало Куяльника лежит, упокоившись между двумя высокими берегами, с торжествующим вызовом. "Я многое видело, я многое знаю, я многое помню".

Берега, цементированные лиманной солью, колючки серебристых мелких маслин, камыши в старом русле реки, солончаки, вольные счастливые птицы. Кто только не любил этой далью на протяжении веков... Не искал помощи, не лечился ласковой грязью, жарким солнцем, выталкивающей из себя на поверхность, плотной рапой.

Сегодня в идеально ровной поверхности лимана отражаются три исполина — порождение позднего застойного соцарта. Три корпуса санатория, в которых недавно исчезнувший с карты мира СССР желал облегчить участь истрепанных от непосильных трудов членов трудовых коллективов. (Хоть это было очередной советской фикцией т. к. из членов трудовых коллективов здесь чаще всего отдыхали снабженцы, бухгалтеры, проффорги, кадровики и секретарши.)

Поэтому куяльническое зеркало часто мутнело, темнело, взъерошивалось колючей рябью, злилось.

Ему трудно было сначала это пережить.

Когда среди тихого, безмятежного, гармоничного пейзажа с парком, маленькими особнячками (дачами почтенных горожан Одессы, а впоследствии советскими санаториями — им. Карла Маркса, им. Семашко, им. Кагановича...), с огромным зданием водогрязелечебницы, крабом распластавшимся на берегу лимана, прудом с концертной "ракушкой" вдруг, как грозный одинокий палец, стал расти непонятный истукан. Он вырывался вверх над башенками маленьких дворцов, куполами церкви Пантелеймона-целителя, потом выше, над всей Жеваховой горой и даже над венчающей ее высокой каменной аркой.

Тогда вокруг все опешили: местные жители, постоянные отдыхающие, доктора санатория, старожилы, дети... Но тут же стал рваться вверх второй корпус, затем — третий. Ломалось все старое, обломки мраморных, бетонных ступенек, гипсовых скульптур и колонн валялись выброшенными на свалку. В этой гряде старых камней еще дымилось и обдавало щемящей тоской недавнее прошлое. Как будто прочная сетка времени, педантично составленная математиками, вдруг стала рваться, продырявливаясь, расплзаться сразу в нескольких местах, пропуская сквозь себя футуристических исполинов с их однообразно прочерченными пошаговыми этажами.

В свалках "ненужностей" среди прочих разбитых фрагментов и артефактов были остатки одной дореволюционной статуи. Наверное, это была какая-то богиня — может, Аврора, может, Венера. Или просто молодая девушка. Оставшуюся часть статуи кто-то для прикола затопил в воду лимана. У нее не было верха. Только прекрасные точные ноги. Одна из них была чувственно согнута в колене. Статуя, наверное, имела в прошлом романтический, сентиментальный образ. Она еще долго стояла погруженная по голени в воду Куяльника... Устремив на его гладь виртуальный меланхолический взгляд и обратившись к нам спиной и прекрасными округлыми ягодицами.

Эти ягодицы еще долго будоражили ум. Заставляли искать ответы, разгадки всяческим предчувствиям, знакам, тенденциям, гипотезам и снам. Ее сюрреалистический покой искривлял пространство, затягивал в омут. Часто думалось: что же она видит на Куяльнике ночью? Какие игрища и пляски разыгрываются тут перед ее отсутствующим взором?

Но вот корпус отстроено. Вымыты забрызганные известкой стекла, отдраены от пола кустики цемента, поклеены обои, внесена мебель.

На медицинские планерки вваливается целая толпа новеньких докторов. Они прибывают и прибывают. Курорт заполняется несметным числом отдыхающих. И их надо кому-то лечить!!!

Санна Львовна Гун первая встречает молодое пополнение. Она ставит свою подпись в медицинских книжках вновь принятых. Только что взятых на работу отделом кадров специалистов. Все неуклюжие, петушистые, шумные, не чувствующие меры, не имеющие такта и не понимающие момента. Сколько же сил надо потратить, чтобы они осознали: "Они работают НА КУЯЛЬНИКЕ".

Затем молодые врачи распределяются по отделениям. Здесь их берут в "суровый оборот" опытные старые врачи.

Яков Рудольфович Абрамсон — гинеколог от Бога. Бесплодия, воспаления, эрозии — все женские проблемы он знает лучше всех.

И знает, чем богат Куяльник с его целебными свойствами. Он стажирует молодое поколение куяльнических гинекологов непосредственно в отделениях грязелечебницы. Яков Рудольфович очень красив. Его стройную, изящную фигуру в белоснежном халате можно часто встретить на аллее, ведущей от водогрязелечебницы к корпусу, или к магазину, или к бювету с минеральной водой. Черные спадающие широкой волной волосы очень гармонируют с модными очками в тонкой золотистой оправе. Ах, как приятно, когда повстречавшись, уважаемый доктор почтительно раскланивается с тобой, тобой — еще ничего не значащей и не имеющей опыта, а тем более — профессиональной репутации.

Стремительной походкой, с копной седеющих волос к лифту подходит сосредоточенная Хася Лазаревна. Он всегда собрана и убедительна. Шлаин Хася Лазаревна — врач-биохимик. Почти всю жизнь она отдала лабораторному делу. В методических указаниях анализов прописано все ясно, но только она знает — лучше реактив взболтать или осторожно

Парк на Куяльницком лимане, фото Б. Левита. 1938 г. Фотография предоставлена OLD.ODESSA.UA.

поставить в темное место. Чтобы полнее растворялась соль, раствор надо подогреть или оставить в эксикаторе на сутки... У Хаси Лазаревны белые халаты с прекрасными, идеально выполненными штопками. Дыры, разведенные кислотами и щелочами, обрабатываются творчески. Заплатки, штопки — ценное украшение стандартной медицинской формы. Прекрасная ручная работа. Здесь, в лаборатории, свой сленг: "Хася Лазаревна, а где ваш депорировый халатик?" (от слова "гипкоревый") — иронизируют лаборанты.

К началу рабочего дня к третьему корпусу подъезжает красавец вишневого "Жигуль", и из него степенно выходят доктора. Это невропатолог Борис Израилевич Песок привез своих коллег на работу. Добраться из города на курорт для уважающих себя людей — проблема не из легких. Частных авто почти ни у кого нет. Социалистический образ жизни. Лицемерный лозунг страны дефицита: "Скромность украшает". В гараже санатория "Куяльник" имеются служебные автобусы. В город — врачебный, а на поселок Котовского — сестринский. Неизвестно, кто так называл рейсы автобусов, отвозящих сотрудников по домам, ведь в городе жили как доктора, так и средний медперсонал, как и на поселке Котовского тоже). Все же — это жест в сторону респектабельности. На Куяльнике она всегда ценилась. Еще ходил вечно переполненный рейсовый автобус. И только Борис Израилевич, счастливый обладатель колес, мог доставить врачей на службу без проблем. Из машины выходят гинеколог Родик Полина Захаровна, невропатолог Валюк Ольга Ивановна, иногда — кардиолог Саулкина Генриетта Моисеевна или рентгенолог Могилевская Эллина Владимировна. Всех с утра уже ждут под кабинетами отдыхающие, стремящиеся получить на курорте весь спектр возможных процедур и исследований.

Курортный доктор — это особая ипостась. Элита. Закрытое сообщество. Действительно, чем занимаются врачи на курорте? Когда все больницы переполнены больными с тяжелыми заболеваниями, производственными травмами, ожогами, трудноизлечимыми хроническими проблемами, связанными с плохими условиями жизни, скудным питанием, неврологическими патологиями... И тут — курортные врачи? Что они вообще лечат?

Гроза всей курортной медицины — главный невропатолог Одесского курортного совета Даниил Наумович Вайсфельд. Не дай Бог попасть под его разборку на врачебном семинаре. "Почему нет всех исследований? Чем оправданы Ваши назначения? Где записаны противопоказания?" У Даниила Наумовича взгляд прямо в суть проблемы. Не зря у него пишет диссертации и удачно защищается целая плеяда куяльнических врачей. "Читайте, думайте, учитесь, — неустанно повторяет он. — Остановись в своем развитии и, как гласит старая немецкая поговорка, будешь глуп, как курортный доктор". Но он-то лучше всех знает, что курортный доктор не глуп. Особенно в СССР, где в санатории люди попадают из такой глубинки! Да годами необследованные, не заходившие в кабинет к врачу. С пестрым букетом всяких редчайших патологий. И доктор сразу должен установить диагноз. Главный и сопутствующий. Не зная условий жизни, питания, особенностей климата, инфекционной ситуации, генетических предрасположенностей, условий работы.

на Христа с огромными глазами и русой бородкой Боря Лейбель, огненно-рыжая Инна Капрора, высокий брюнет стоматолог Саша Попов, сосредоточенная Ира Дворяк, элегантный Игорь Резниченко. Их много — новых лиц Куяльника, и они изо дня в день скрупулезно, ответственно делают свою работу. Возвращают людям утраченное здоровье и радость жизни.

Куяльнические доктора чаще всего интеллектуалы. Они знают хорошую литературу. Среди советского пропагандистского хлама они имеют, что читать. На планерках часто мелькают редкие книги, ими делятся друг с другом. Из рук в руки передаются неизвестно откуда взявшиеся Зоценко, Булгаков, Арбатова, Искандер, синие номера "Нового мира", красочные обложки "Иностранной литературы".

Ортопед Борис Иванович Стрелков делает прекрасные панорамные фотографии, размерами метр, полтора и больше. Черно-белые: пейзажи, портреты, кадры с животными. — Люда, обязательно своди своих девочек в музей на Пушкинскую. Там открылась прекрасная выставка... — после выходных делится своими эмоциями Хася Лазаревна.

А иногда под настроение в актовом зале поликлиники хирург Ирина Федоровна Файнберг садится за фортепьяно и играет любимую классику своим коллегам.

Ирину Федоровну уважают все. Она берет за самые сложные клинические случаи. Она грамотно умеет читать анализы, сопоставлять патологические синдромы, думать. Именно к ней всегда сотрудники ведут своих родственников и знакомых на консультацию. Ирина Федоровна даже в своем возрасте очень красива. И хорошо одета. Ее шубка из богатого, хорошо подобранного по качеству козлика — предмет зависти куяльнических дам.

На Куяльнике вообще среди общей советской серости и бедности одевались хорошо. Сюда часто захаживали "спекулянтки" с товарами с обкомовских баз, из торгсинов и вещами из отделов универмагов "для себя". Кому-то приходили посылки из-за границы. Хорошие итальянские сапоги, испанские дубленки, советские каракуль, норки и чернубурки здесь не были редкостью. В летние времена одевались в блузки и пиджаки из Польши, Чехословакии, Румынии, ГДР. Носили стильные иностранные сумки, хорошие перчатки, кашемировые кашне. Благодаря этим вкраплениям в общий советско-серый пейзаж куяльнические врачи выглядели респектабельно, богато, одним словом — комильфо.

Ну и самым замечательным на Куяльнике было чувство общей большой семьи.

За обеденным чаем обсуждались все служебные коллизии и домашние дела. Беседы часто отличались как жизненностью, так и яркой образностью. "Сестра поссорилась с мужем. Так я ей говорю: "Не знаешь, как помириться? Не усложняй. Живот на живот, и все пройдет", — советует медсестра поликлиники Скаковская Дина Петровна.

— Ну и я говорю, — продолжает лаборант Побережская Нелли Исааковна, — прижмишься к мужу, притрешься до "ньютонских колец", и все проблемы тают. (В лаборатории для исследования препаратов под микроскопом покровное стекло притиралось к предметному до "ньютонских колец" т. е. до появления на стекле радужных облобочек...)

— Спасибо главному врачу Исааку Израилевичу, что мы хоть белый свет увидели, — сладко поет дифирамбы начальству ванница Наталья Шершень.

— Это как? — спрашивают сотрудники.

— Так он же перед праздниками нас заставил окна в грязелечебнице помыть. Вот мы, наконец, белый свет и увидели...

Зима. Метет метель. Падающие снежинки покрывают воду лимана, мгновение катаются на его гребнях и неумолимо тонут в толще воды. Некогда чистая зеркальная гладь бушует и пенится. За три метра не видно ни зги. И где-то далеко растаяли в дымке три бетонных великана. Как будто и не было их здесь никогда. Улетели, унеслись порывами времени с их плоских этажей чьи-то сомнения, споры, любовь, ожидания, отрезвления, восторг. Осели в далеких странах молоденькие, стянутые поясками белых халатов докторицы и уважаемые врачебные мэтры в высоких крахмальных колпаках. Израиль, Канада, Германия, США теперь берегут их сны. Многие, уже уснули там навечно.

Но Куяльник их помнит. Чит. Ведь каждый из них здесь оставил драгоценную частичку своей души.